

Степной щит Юрта: формирование ногайского населения Крымского ханства (XVI – первая половина XVII в.)

Вадим Трепавлов

*(Институт российской истории РАН, Центр истории народов
России и межэтнических отношений)*

Аннотация. С начала XVI в. происходило постоянное пополнение ногайского населения Крымского ханства. Это было следствием как насильственного привода крымцами ногаев в результате военных побед над ними, так и добровольных переселений из-за Волги в пределы юрта. Причинами таких миграций являлись спасение от вражеских нашествий (казахского в 1510-х гг. и калмыцкого в 1620–1630-х гг.), а также стремление обрести кочевья для более комфортного и безопасного проживания за пределами Ногайской Орды – главным образом в периоды, когда она была охвачена междоусобицами, а ее население страдало от голода и разорения. Правители Крыма охотно принимали и размещали в своих владениях рядовых улусников, но настороженно относились к представителям ногайской элиты. Это объяснялось застарелой кровной враждой между крымскими и заволжскими мангытами («Мансуровичами» и «Нурадиновичами»), начавшейся в середине XV в. В течение XVI в. ногайское население ханства многократно увеличилось и составило опору могущественного клана Мансур-улы. Расселяясь в основном в степях к северу от собственно Крыма, оно представляло собой значительную военную силу (по большей части лояльную к Гиреям) и заслоняло собой полуостров от внешних нападений. Вместе с тем в среде крымских ногаев время от времени возникали настроения недовольства политикой Бахчисарая по отношению к ним, стремления перейти в османское подданство.

Ключевые слова: Крымское ханство, Ногайская Орда, мангыты, Мансур-улы, беи, мирзы, миграции.

Для цитирования: *Трепавлов В. В.* Степной щит Юрта: формирование ногайского населения Крымского ханства (XVI – первая половина XVII в.) // Крымское историческое обозрение. 2019. № 2. С. 108–125. DOI: 10.22378/kio.2019.2.108-125

Весной 1576 г. в сражении с кабардинцами погиб основатель Малой Ногайской Орды бий Казы. Его гибель опечалила крымского хана Мухаммед-Гирея II, который отозвался о покойном образно и хвалебно: «...Камена был стена Крымскому юрту и Азову» [23, л. 34 об.] Однако ногаи служили не только «стеной», ограждавшей Крым от внешних посягательств с востока. В северных провинциях Крымского юрта постепенно сформировался еще один ногайский заслон – многочисленное кочевое население, которое составили главным образом мигранты из заволжской Ногайской Орды (так называемых Больших Ногаев). Этот «степной щит» на протяжении почти двух с половиной столетий преграждал врагам ханства доступ в его внутренние (собственно крымские) районы. Вместе с тем ногаи Крыма являлись наиболее мобильной и многочисленной частью ханского войска. Их стремительная конница под командованием то собственных беев и мирз, то царевичей Гиреев, то татарских и турецких военачальников много раз разоряла ближние и дальние провинции Московского и Польско-Литовского государств, Молдавии, Венгрии, княжеств Северного Кавказа и др.

В восточных источниках кочевников Ногайской Орды называли также мангытами – по имени правящего клана этой политики; равным образом и крымские мангыты нередко именуется в источниках ногаями.

Массовое пополнение крымских подданных-мангытов началось после уничтожения ханом Менгли-Гиреем Большой Орды в 1502 г. В этом государстве тюркский эль мангытов занимал первое место по влиянию и, может быть, по численности (см. [42 с. 255, 256]). Ведущая роль мангытских беев была освящена традицией беклербекства их родоначальника Эдиге (Идигея). В Большой Орде мангыты пытались обосноваться по возможности в ставке каждого хана, которому доставался трон. Наиболее заметным мангытским сановником последних десятилетий существования Орды был беклербек Тимур б. Мансур (внук Эдиге). Его улус находился на Днепре. Еще в 1546 г. ногайские мирзы (отдаленные родственники предводителей крымских мангытов) заявляли крымскому хану: «Буди тебе ведомо: Днепр деи наш коч, твои татаровы по Непру не кочевали» [22, л. 53]. «Улус твои на Днепре» – говорил в 1516 г. хан Мухаммед-Гирей I племяннику Тимура, мангытскому мирзе Тенишу [39, с. 253].

Когда южнорусские степи оказались под властью Гиреев, то и кочевья большеордынских мангытов вошли в состав ханства. С того времени правомерно вести речь о мангытских улусах в Крымском государстве. Относительная многочисленность и компактное проживание быстро превратили этих новых подданных в чрезвычайно влиятельный фактор внутренней политики. Основные их кочевья остались на прежней территории – в степях между Перекопом и Днепром [53, с. 12]. И хотя

Менгли-Гирей и позже его сын и преемник Мухаммед-Гирей I довольно настороженно относились к этой массе кочевников, те стали прочной базой и тылом нового аристократического клана Мангытов – Мансур-улы, со временем отчасти потеснившего крымскотатарскую знать.

Отношения Гиреев с Ногайской Ордой часто складывались враждебные. Это не могло не влиять на положение мангытского эля в Крымском юрте. В-первых, потомки Мансура б. Эдиге являлись старшей родственной ветвью по отношению к детям бия Мусы б. Ваккаса (правнука Эдиге), которые правили в восточном Дешт-и Кипчаке, поэтому в ситуациях противостояния с ногаями они могли восприниматься в Крыму как «пятая колонна». Во-вторых, мангытская знать была очень влиятельна в Астраханском ханстве и в меньшей степени в Казани. Но при этом в источниках не отразились сколько-нибудь активные связи между этими соплеменниками в Крыму и Заволжье. По крайней мере в 1500–1520-х гг. мангыты Крымского юрта сохраняли полную лояльность правящей ханской династии. А традиционный престиж эля, унаследованный от Эдиге, и родство с ногаями в таких условиях придавали мангытским беям и мирзам Крыма дополнительный авторитет. В-третьих, у крымских мангытов теоретически имелся огромный ногайский тыл – в отличие от татарских аристократических кланов Ширин, Барын и др.

Однако в действительности никакой солидарности между двумя ветвями «Едигеевичей» не наблюдалось. Причина заключалась в давних событиях, последствия которых ощущались на протяжении долгих лет. В середине XV в. между потомством Нур ад-Дина б. Эдиге и его брата Мансура по не вполне ясным причинам возникло противостояние. По сведениям хорезмского хрониста сер. XVI в. Утемиш-хаджи, сыновья Мансура – Тимур и Дин-Суфи убили главу Мангытского юрта (будущей Ногайской Орды) Ваккаса б. Нур ад-Дина [44, с. 62]. Произошло это около 1447 г. В таком случае становятся понятными возражения ногайского мирзы Джаббар-Мухаммеда в 1639 г. против ухода его сыновей в Крым (где базировался клан Мансур-улы): «А<...> Мансуровы дети<...> коли нам друзья бывали? От семи наших отцов крововые наши недруги» [35, л. 97]. Очевидно, причиной этой двухсотлетней кровной вражды послужила расправа сыновей Мансура над Ваккасом.

Обычно переход кочевников в государство Гиреев происходил «автоматически», по мере распространения крымского сюзеренитета на бывшие кочевья Большой Орды. Но есть точные свидетельства и о целенаправленном переводе населения в ханство.

Первые акции такого рода предпринимал Менгли-Гирей. В 1509 г., после разгрома им ногаев на берегах Волги, тысячи их были отправлены на запад. Численность захваченного населения была такова, что через Перекопский перешеек оно шло более двадцати дней [39, с. 80]. Хотя в источнике эти ногаи и названы полоном, они, конечно, не являлись военнопленными в

собственном смысле слова. Хан планировал расселить их на своих землях, по большей части вне полуострова. Хронисты сообщают, что именно с этого времени «Перекопская Орда» чрезвычайно усилилась и расширилась, сделалась угрозой для соседей. В Польско-Литовское государство дошли вести, будто Менгли-Гирей желает переселить ногаев за Днепр, «напротив волшской земли» [56, с. 147]. Следующий крымский хан уже имел основание заявлять, что его «холопами и слугами» состоят «Ординского юрта *да и Нагайского* уланы и князи, и мурзы, и добрые люди» (здесь и далее в цитатах выделено мною. – В. Т.) [39, с. 298]. В России усиление Крымского ханства тоже связывали с притоком ногаев. В то время как «был в Крыму Мин Гирей царь<...> – напоминали русские ногайским мирзам на переговорах в 1604 г., – Мин Гирей царь в те поры пришед на ваши улусы, жон и детей, и улусы ваши поимали. *С тех мест Крымской юрт силен стал*» [29, л. 130–131].

Ногайские миграции существенно повлияли на экономику ханства. Заселение причерноморских степей восточными кочевниками привело к формированию резких отличий двух его частей – земледельческо-садоводческой к югу от Перекопа и скотоводческой к северу. Такое разделение сохранялось потом в течение столетий, и еще в XIX в. крымца-садовода и хлебопашца называли татаринном, а заперекопского чабана – ногаем [41, с. 61].

Напряженность между Гиреями и правителями Ногайской Орды сказывалась на положении крымского эля мангытов. В 1530–1540-х гг. хан Сахиб-Гирей постоянно опасался альянса единоплеменников, но с другой – конница крымских мангытов могла служить ему грозным оружием в борьбе за власть и во внешней политике, поэтому, как ни парадоксально, именно в период правления этого хана произошел рост их влияния и могущества. Первые мангыты, что появились в ханстве в конце XV – начале XVI в., получили для поселения местность в окрестностях города Гёзлев [9, с. 72; 49, с. 137]. Эта степная зона, примыкавшая к Перекопскому перешейку с юга, именовалась *Манкыт эли* – Страной мангытов (см. [58, с. 53, 192]). Кроме того, пространство к северу от Перекопа, между Доном и Днепром, предоставлялось для кочевания позднейшим выходцам из Большой Орды и затем Ногайской Орды. Следует учитывать, что с ростом численности переселенцев из-за Волги как раз в эпоху Сахиб-Гирея крымские (а за ними и русские) власти стали различать крымских ногаев и собственно крымских мангытов Мансур-улы как аристократический род карачи-беев. В течение XVI в. те и другие находились в структуре мангытского эля и под верховным главенством одного карачи-бея. В дальнейшем Мансуры и ногаи управлялись каждые своими беями.

В историографии встречаются различные оценки положения мангытов Мансур-улы при Сахиб-Гирее: от утверждений об особом расположении

к ним хана за помощь против его соперника Ислам-Гирея и из-за боязни чрезмерного усиления четырех местных татарских родов [9, с. 51, 52; 40, с. 413, 414] до приписывания хану установления полной гегемонии Ширинов в противовес опасным и вероломным Мансурам [51, с. 458]. Иерархическое первенство Ширинского клана никогда и никем в Крыму не ставилось под сомнение. Но его борьба за влияние на трон и внутреннюю политику ханства действительно происходила – и в первую очередь с мангытами. На руку последним играли не только наследственная традиция беклербекства и грозный призрак *сансыз* (бесчисленных) ногаев за плечами, но и давняя практика брачных союзов с царствующим домом Крыма. Кроме того, со второй четверти XVI в. мангыты оказались допущенными к церемонии коронации и получали прерогативы, присущие родам карачи. Европейские наблюдатели даже считали, что именно распри, раздутые мангытами во времена ханствования Сахиб-Гирея и Девлет-Гирея, привели к уменьшению роли прочих четырех татарских кланов в вопросе престолонаследия и к установлению единодержавия Гиреев [2, с. 354; 57, с. 299, 300]. В традиционном раскладе элей крымские мангыты считались принадлежащими к левому (старшему) крылу, тогда как Аргыны и Кипчаки относились к правому (см. [58, с. 213]).

Сахиб-Гирей провел радикальную реформу по усмирению кочевой стихии в подвластных землях. Хан не хотел, чтобы в будущем его подданные могли сняться с места и откочевать к ногаям или в османские владения на западе и в Приазовье. Жителям Крыма запрещалось вести кочевой образ жизни. Кибитки было велено разломать и жить отныне оседло в стационарных поселках. Развернулось строительство домов и целых аулов, началась раздача земельных наделов на всем пространстве Юрта – «от Фатх-Кермана на севере до Балаклавы на юге и от Кафы на востоке до Гёзлева на западе»; одновременно возводились мечети [15, с. 384; 37, с. 92, 106; 40, с. 413; 55, с. 366, 367]. Нововведения действительно способствовали насаждению оседло-земледельческого уклада на Таврическом полуострове. Но обширные степи к северу от него не были охвачены ими. Стада и улусы кочевников продолжали там обычные сезонные передвижения, отчего эти территории по-прежнему привлекали переселенцев из-за Волги.

В 1547 г. Сахиб-Гирей захватил Хаджи-Гархан, царствовавший там Ямгурчи бежал. Хан не удовлетворился изгнанием правителя, но предпринял массовый вывод населения в свой Юрт. «Людей их и улусов их там не оставили, всех пригнали к себе», – писал он Ивану IV [22, л. 57]. Вероятно, с этой насильственной миграцией связано сообщение «Гюльбюн-и ханан» о выделении Сахиб-Гиреем земли и выдаче документов на нее для обеспечения благополучной жизни обитателям берегов Эмбы, Яика, Волги, Кубани, Дона и Днепра, переселенным в Крым (см. [13, с. 170]). Упоминание

рек Эмбы и Яика, располагавшихся в то время на территории Ногайской Орды, свидетельствует о том, что среди крымских новоселов были и ногаи, проживавшие в Астраханском ханстве.

В середине 1550-х гг. в Ногайской Орде разразилась междоусобная кровавая смута. Тогдашний государь Крыма Девлет-Гирей I не принял в ней заметного участия. В основном его роль выражалась в предоставлении кочевий для жителей Орды, бежавших от голода и усобиц. Хан был рад пополнению из рядовых степняков – «улусных людей», но очень ревниво и избирательно относился к мирзам. Некоторых он грабил и изгонял из своего юрта. Сыновей ногайского бия Исмаила – Динбая и Кутлугбая, потомков бия Саид-Ахмеда, девятерых «Уразлыевых детей» Девлет-Гирей принял сначала доброжелательно. Из крымцев и пришлых ногаев в 1559 г. была сформирована сотысячная армия для похода на Русь. Однако, разведав сильную оборону на границах и готовность царя и воевод отразить нашествие, хан раздумал воевать. Мирзы были выдворены за пределы Крымского ханства [6, с. 137, 143, 144; 11, с. 79; 19, с. 286, 314, 315; 21, с. 248, 252].

В конце XVI в. и на протяжении первых десятилетий XVII в. Ногайская Орда неуклонно слабела. Большинство ногайских мирз в 1620-х годах начало автономное существование, и их политическая ориентация все более зависела не от общих интересов Орды, а от групповых устремлений враждующих кланов (Урмаметевых, Тинмаметевых и др.). Они переходили на Крымскую сторону Волги и вливались там в число ханских подданных. Уже в 1628 г. хан Джанибек-Гирей имел основания утверждать, что взял под покровительство ногайский народ [14, с. 39]. Наверное, самое массовое переселение произошло осенью 1636 г., когда многотысячные улусы Урмаметевых, ведомые крымским калгой Хусам-Гиреем, двинулись на запад через Дон [16, с. 241].

Переселенцам из-за Волги предоставлялось обычное для крымских ногаев степное пространство между Доном и Днепром, с гарантией «жить и по своей воле, и по бусурманской бы есте вере намазы пели и гауров (т. е. неверных, русских и украинцев. – В. Т.) бы есте воевали», а хан-де будет обеспечивать защиту [31, л. 135–137]. Подданство оформлялось стандартными шертными договорами и выдачей мирз-заложников (*аманатов*) [32, л. 24, 25; 34, л. 154]. Улусы пришельцев сохраняли свою внутреннюю структуру и мирз, но получали из Бахчисарая наместников: *сераскера* – как правило, члена правящей династии, а также *каймакама*, находившегося на ханском жалованье [47, с. 46]. Номинальным главой крымских ногаев являлся (может быть, не всегда) наследник престола – *калга-султан*. Ханскому губернатору Перекопа – *ор-бею* была подведомственна территория юрта за пределами полуострова, и, следовательно, вопросы, связанные с делами ногайских кочевий, находились в его компетенции [4, с. 71–73; 7, с. 220, 221; 52, с. 27].

Под властью Гиреев ногаи оказывались в стесненном, зависимом и унижительном положении. Аманатов, случалось, содержали, как узников – в цепях; крымцы у новых соотечественников «жон и дочерей на постелю имал[и], лошади и коровы, и овцы резал[и] и лутчие люди и пансыри, и всякое оружие у них поотымали. Такое им насилство и позор чинили, чего они <...> николи над собою не видали» [33, л. 12–13]. Изъятие оружия диктовалось опасением мятежа озлобленных кочевников. Тем не менее беззащитность и оторванность от покинутой родины не слишком убавляли боевой пыл мирз и улусников.

Мощной поддержкой этим степнякам служило старое ногайское население Крымского юрта – подданные Мангытов/Мансуров. А оно, опираясь на пришлых Больших Ногаев, выросло в ведущую политическую силу государства. Формула *сансыз ногай* («бесчисленные ногаи») прочно укоренилась в ханском титуле (см., например [1, с. 179, 181; 10, с. 73; 14, с. 19; 25, л. 12, 16; 45, с. 78]). Все вместе они составляли грозную силу, потенциально опасную для правящей элиты и всего государства.

Размещенные в степях кочевники должны были ежегодно отправлять в Бахчисарай ясак, а их предводители являться на тронный прием для демонстрации своей лояльности [2, с. 357]. Вместе с аманатством и конфискацией оружия такой режим подданства призван был гарантировать закрепление их в юрте. Кроме того, пришлых кочевников старались рассредоточить по Причерноморью – во-первых, во избежание опасной концентрации в одном месте, во-вторых, для облегчения их прокормления. И все же мигрантов оказывалось столько, что скудные ресурсы степной зоны ханства оказывались не в состоянии обеспечить их пропитанием. Пастбища не вмещали огромные стада, перегоняемые с востока. В конце 1630-х годов «учела быть от тех нагаицов в Крыме хлеба большая дороговь, [про?]пажа стала чинитца (т. е. массовое воровство хлеба? – В. Т.)», отчего крымцы в очередной раз «тех <...> нагаицов всех прогнали на степь», подальше от Перекопа [28, л. 1]. Неудивительно, что эти мигранты не испытывали иллюзий относительно легкой ассимиляции среди кочевников ханства и не воспринимали их как гостеприимных хозяев.

Летом 1572 г., после рокового для крымцев боя на Молодях, в плен к русским попал один из высших сановников Крыма – мангытский карачибей Дивей. Забота о стабильности в государстве заставила Девлет-Гирея начать переписку с царем-победителем Иваном IV об освобождении бея. С одной стороны, хан не испытывал глубокой печали по поводу захвата высокомерного и могущественного вождя мангытов. Но, с другой стороны, никто, кроме Дивея, не мог держать в узде многочисленных кочевников, заполнивших *Кюндугуш Ногай* – степное пространство к северу от Крыма. Бывший пленник Истома, явившийся в Москву и допрошенный в

Посольском приказе в мае 1576 г., поведал об обстановке в Крыму: «А землею (т. е. среди народа. – *В. Т.*) <...> в Крыме говорят: нам деи ни царь, ни царевичи не дорого, толко б деи нам в Крыме Дивеи был, потому – которые нагайские люди в Крыме живут, и те деи нагайские люди были Дивеем верны. А ныне деи без Дивея поизмешалося – нагайские люди царю и царевичем не верят, а царь и царевичи нагаем не верят». Истома уверял, что «всем (т. е. хану и царевичам Гиреям; в тексте: всех. – *В. Т.*) им Дивеи нужен для нагайских людей» [20, с. 222].

Но в действительности различие между крымскими мангытами (жителями ханства с XV в.), крымскими ногаями (Дивеевым улусом) и ногаями – поздними переселенцами сохранялось. В документах то и дело перечисляются как понятия равного порядка «всего Крымского юрта люди наши (в том числе и мангыты-Мансуровы. – *В. Т.*) и Дивеева родства улусные люди <...> и все нагайские люди», «нагайские мурзы Мансурова родства и улусные люди и Болших Нагаи, которые от Астарахани откочевали, мурзы и улусные люди <...> и всякие наши крымские и нагайские люди», «Дивеевы и Мангытцкие князья и мурзы» и т. п. [10, с. 82; 26, л. 40; 27, л. 400-401]. Может быть, наличием этих разных категорий ногаев объясняется разноголосица в сведениях об их численности, потому что иногда приводится количество только одной из них, а иногда – всего ногайского населения юрта.

Ногаи все прибывали и прибывали с востока, и их численность со временем превзошла количество местных мангытов. Но об этой численности мы не можем судить даже приблизительно, зная только, что к концу XVI в. конница ханства состояла в основном из ногаев. По замечанию М. Иванич, они являлись самой многочисленной, хотя и наименее боеспособной частью крымского войска [52, с. 45]. Что же касается Мансуров, то в середине XVI в. их ополчение насчитывало две тысячи человек; это больше, чем у Аргынов и Кипчаков (вместе тех набиралось три тысячи), но более чем вдвое меньше пятитысячного войска Ширинов – ведущего аристократического клана [46, с. 96; 51, с. 448]. Жан де Люк, говоря о ханстве середины 1620-х годов, уверял, будто местные ногаи могут выставить пятьдесят тысяч всадников; но ниже оценивал число ногаев, кочующих между Черным, Азовским морями и Днепром, только в двенадцать тысяч (12, с. 485, 488). Крымский нурадин Мубарек-Гирей в 1633 г. угрожал царю Михаилу Федоровичу «государство ваше конскими копытами стоптати» силами ста тысяч татар и сорока тысяч ногаев [25, л. 26 об.]. А астраханский воевода Ю. П. Буйносов в 1627 г. считал, что общее число мирз и улусных людей Мансуровых – всего около двух тысяч [30, л. 221].

Наличие фактически трех мангыто-ногайских улусов привело к появлению сразу и нескольких беев. В конце XVI – начале XVII в. потомки

Дивеев б. Хасана сохраняли прежний порядок: старший в их семье становился мангытским карачи-беом (см. [9, с. 55]). В 1610–1620-х годах в источниках появляются одновременно «князья» Азамат, Али и Бахадур, затем Али, Хантимур (Кантемир) и Гулим [24, л. 40, 42; 36, с. 83]. Хотя все они доводились друг другу братьями, титулы у них были разными. Мангытскими верховными беями (*карачи*) были Азамат, затем Али; беями Дивеева улуса – Бахадур, затем Али, за ним Хантимур. Огромная конница позволила потомкам Эдиге превратиться в «жандармов», «делателей королей» Крыма (по выражению А. Беннигсена и Ш. Лемерсье-Келькеже [50, с. 332]), что в определенной мере выглядело как восстановление древней мангытской привилегии. Абдулгаффар Кырыми более чем через столетие написал о тех временах, что крымский хан «все свои дела <...> поручил мирзам из рода Мансуроглу. Говорят, что правительство Крыма было в руках у Мансуров» – двуличных, гордых и высокомерных, унаследовавших-де от своего предка Эдиге «любовь к мировому господству» [8, с. 107, 198].

В 1621 г. крымско-османское войско потерпело поражение в войне с Венгрией. Хантимур, правивший ногайским улусом в Ак-Кермане (Белгородской Ордой), счел это удобным поводом для перехода в турецкое подданство, за что получил титул паши и полномочия по обороне имперских границ в Юго-Восточной Европе. Данная политическая комбинация резко упрочила положение Хантимура и соответственно роль ногаев в Крымском государстве. Трон окружили родичи и соратники Хантимура. После многолетних интриг и сражений к концу 1630-х годов Гиреям удалось разгромить ногайскую группировку. Хан Бахадур-Гирей учинил массовые казни мансуровских мирз – «Бахадыр Гирай хан с целью мести убил всех Мансуроглу» [8, с. 110] (об этих событиях см. также [5, с. 107, 113; 16, с. 100, 101, 186, 187, 248, 249, 283]).

Во второй половине XVII в., по информации турецких источников, ногаи Крымского юрта делились на четыре отдела, или разряда: Большие Ногаи (*Улу Ногай*) – главным образом подданные мирз Урмаметевых (потомков бия Ногайской Орды Ураз-Мухаммеда); Мансур-улы, т. е. крымские мангыты, изначально проживавшие в ханстве; Шайдак-тамгасы – часть Малых Ногаев, мирзы которых происходили от мирзы Саид-Ахмеда б. Мухаммеда б. Исмаила (другое название этой группировки – Касаевы); Малые Ногаи (*Кичи Ногай*) – улусы мирз Ураковых и Мамаевых из бывшей Малой Ногайской Орды [40, с. 334] (в следующем столетии источники фиксируют иные объединения крымских ногаев – см. [18, с. 56–58; 43, с. 42–63]).

По-прежнему оставалось четкое различие между крымскими мангытами-Мансуровыми и собственно ногаями. Потомки Мансура б. Эдиге, в отличие от заволжских мирз, уже прочно внедрились в высшую аристократию Крыма и со временем практически сравнялись в ранге с ведущим татарским родом

Ширин. Эвлия Челеби называл их «хозяевами на Крымском острове» [48, с. 37]. Только Ширины и Мансуры имели в своих кланах собственных калгу и нурадина, по аналогии с ханской семьей [3, с. 416].

Мигрируя в Причерноморье, Большие и Малые Ногаи сталкивались с проблемой отношений с Гиреями, с вопросом о подданстве им. Ханы, хотя и видели в пришельцах дополнительную военную силу для своего Юрта, не особенно доверяли им по причине частых устремлений мирз вступить в контакты с русскими и османами за спиной Бахчисарая [17, с. 94; 38, с. 57, 58]. Дополнительным раздражающим фактором были сепаратные связи ногаев с Богданом Хмельницким в середине XVII в. [38, с. 58, 59].

Идеологически подчинение ногайских улусов Крыму было давно подготовлено. Крымские правители традиционно рассматривали их как своих «рабов и слуг» (*куллар ва карачилер*) [14, с. 397, 398, 401, 408]. При этом элита ханства четко различала собственно крымских татар и кочевников северных степей. Напомню цитированные выше слова крымского царевича (1633 г.) с угрозой «стоптати» Московское государство силами ста тысяч татар и сорока тысяч ногаев. В ханском титуле Гиреев понятие *татары* появилось только с начала XVII в. (см., например [54, с. 351–358]) и ставилось в один ряд с ногаями и черкесами как равновеликими понятиями, хотя и первым в перечне подданных народов.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Акты времени Лжедмитрия 1-го (1603–1606 гг.) / ред. Н. В. Рождественский. М.: Имп. Общество истории и древностей российских при Моск. ун-те, 1918. 334 с.
2. *Броневский М.* Описание Крыма (Tartariae Descriptio) // Записки Одесского общества истории и древностей. 1867. Т. 6. С. 333–367.
3. *Вельяминов-Зернов В. В.* Исследование о касимовских царях и царевичах. Ч. 2. СПб.: Тип. имп. Академии наук, 1864. 498 с.
4. *Грибовский В. В.* Управление ногайцами Северного Причерноморья в Крымском ханстве (40–60-е годы XVIII в.) // Тюркологический сборник. 2007–2008. История и культура тюркских народов России и сопредельных стран. Редкол.: С. Г. Кляшторный (пред.) и др. М.: Восточная литература, 2009. С. 67–97.
5. *Д'Асколи Э. Д.* Описание Черного моря и Татарии // Записки Одесского общества истории и древностей. 1902. Т. 24. С. 89–180.
6. Книга, глаголемая Летописец Федора Никитича Нормантского // Временник Московского общества истории и древностей российских. М., 1850. Кн. 5. С. 19–148.
7. *Курат А. Н.* Собрание сочинений. Кн. 2. Тюркские племена и

государства в Поволжье и Северном Причерноморье в IV–XVIII вв. Казань: Институт истории им. Ш. Марджани АН РТ, 2015. 416 с.

8. *Кырыми Абдулгаффар*. Умдет ал-ахбар. Кн. 2. Перевод. Пер. с осман. Ю. Н. Каримовой, И. М. Миргалеева; общ. и науч. ред., предисл. и комм. И. М. Миргалеева. Казань: Институт истории им. Ш. Марджани АН РТ, 2018. 200 с.

9. *Лашков Ф.Ф.* Исторический очерк крымско-татарского землевладения. Симферополь: Таврическая губ. тип., 1897. 326 с.

10. *Лашков Ф.Ф.* Памятники дипломатических сношений Крымского ханства с Московским государством в XVI и XVII вв. Симферополь: Тип. газеты «Крым», 1891. 215 с.

11. Летописец русский. Публ. А. Н. Лебедева // Чтения в Обществе истории и древностей российских при Московском университете. М., 1895. Кн. 3. С. I–IV, 1–190 (отд. паг.).

12. [Люк Ж.] Описание перекопских и ногайских татар, черкесов, мингрелов и грузин Жана де Люка, монаха доминиканского ордена (1625) // ЗООИД. 1879. Т. 11. С. 473–493.

13. *Маржани Ш.* Мөстәфадел-әхбар фи әхвали Казан вә Болгар (Казан һәм болгар хәлләре турында файдаланылган хәбәрләр). Казан: Татарстан китап нәшрияты, 1989. 415 с.

14. Материалы для истории Крымского ханства / изд. В. В. Вельяминов-Зернов. СПб.: Тип. имп. Академии наук, 1864. 950 с.

15. *Негри А.* Извлечение из турецкой рукописи Общества, содержащей историю крымских ханов // Записки Одесского общества истории и древностей. 1844. Т. 1. С. 379–392.

16. *Новосельский А. А.* Борьба Московского государства с татарами в первой половине XVII в. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1948. 447 с.

17. *Новосельский А. А.* Исследования по истории эпохи феодализма (научное наследие). М.: Наука, 1994. 223 с.

18. *Пейссонель Ш.-К. де.* Записка о Малой Татарии. Пер. с франц. В. Лотошниковой, вступ. ст., прим. и комм. В. Грибовского. Киев: Б. изд., 2009. 110 с.

19. Полное собрание русских летописей. Т. 13. Ч. 1. Летописный сборник, именуемый Патриаршей или Никоновской летописью / ред. С. Ф. Платонов. СПб., Тип. И. Н. Скороходова, 1904. 302 с.

20. Посольская книга по связям Московского государства с Крымом. 1571–1577 гг. / отв. ред. И. В. Зайцев. М.: Изд. дом Марджани, 2016. 400 с.

21. Посольские книги по связям России с Ногайской Ордой. 1551–1561 гг. / сост. Д. А. Мустафина, В. В. Трепавлов. Казань: Татар. кн. изд-во, 2006. 391 с.

22. РГАДА. Ф. 123. Сношения России с Крымом. Оп. 1. Д. 9.

23. РГАДА. Ф. 123. Сношения России с Крымом. Оп. 1. Д. 15.

24. РГАДА. Ф. 123. Сношения России с Крымом. Оп. 1. Д. 17.

25. РГАДА. Ф. 123. Сношения России с Крымом. Оп. 1. 1629 г. Д. 14.

26. РГАДА. Ф. 123. Сношения России с Крымом. Оп. 1. 1630 г. Д. 17.
27. РГАДА. Ф. 123. Сношения России с Крымом. Оп. 1. 1633 г. Д. 24.
28. РГАДА. Ф. 123. Сношения России с Крымом. Оп. 1. 1638 г. Д. 1.
29. РГАДА. Ф. 123. Сношения России с Крымом. Оп. 2. Д. 3.
30. РГАДА. Ф. 127. Сношения России с ногайскими татарами. Оп. 1. 1627 г. Д. 1.
31. РГАДА. Ф. 127. Сношения России с ногайскими татарами. Оп. 1. 1633 г. Д. 1.
32. РГАДА. Ф. 127. Сношения России с ногайскими татарами. Оп. 1. 1635 г. Д. 1.
33. РГАДА. Ф. 127. Сношения России с ногайскими татарами. Оп. 1. 1635 г. Д. 3.
34. РГАДА. Ф. 127. Сношения России с ногайскими татарами. Оп. 1. 1637 г. Д. 3.
35. РГАДА. Ф. 127. Сношения России с ногайскими татарами. Оп. 1. 1639 г. Д. 1.
36. *Савелов Л. М.* Из истории сношений Москвы с Крымом при царе Михаиле Федоровиче: Посольство С. И. Тарбеева в Крым, 1626–1628 гг. Симферополь: Таврическая губ. тип., 1906. 105 с.
37. *Саид Мухаммед-Риза.* Асесб ос-сейяр, или Семь планет, содержащий историю крымских ханов / изд. М. Казембек. Казань: Б. изд., 1832. 378 с.
38. *Санин Г. А.* Отношения России и Украины с Крымским ханством в середине XVII в. М.: Наука, 1987. 271 с.
39. Сборник Русского исторического общества. Т. 95. Памятники дипломатических сношений Московского государства с Крымскою и Нагайскою Ордами и с Турцией. Т. 2. 1508–1521 гг. / под ред. Г. Ф. Карпова и Г. Ф. Штендмана. СПб.: Печатня С. П. Яковлева, 1895. 786 с.
40. *Смирнов В. Д.* Крымское ханство под верховенством Оттоманской Порты до начала XVIII в. СПб.: Университетская тип., 1887. 797 с.
41. *Сыроечковский В. Е.* Мухаммед-Герай и его вассалы // Ученые записки МГУ. Вып. 61: История. 1940. Т. 2. С. 3–71.
42. *Трепавлов В. В.* Степные империи Евразии. Монголы и татары. М.: Квадрига, 2015. 368 с.
43. *Тунманн [И. Э.]* Крымское ханство. Пер. с нем. изд. 1784 г. Н. Л. Эрнста и С. Л. Белявской. Симферополь: Таврия, 1991. 96 с.
44. *Утемшиш-хаджи.* Кара таварих / транскрипция И. М. Миргалеева, Э. Г. Сайфетдиновой, З. Т. Хафизова; пер. на рус. яз. И. М. Миргалеева, Э. Г. Сайфетдиновой; общ. и науч. ред. И. М. Миргалеева, Казань: Институт истории им. Ш. Марджани АН РТ, 2017. 312 с.
45. *Фарфоровский С. В.* Ногайцы в русской истории // Русский архив, издаваемый П. Баргеновым. Кн. 2. М., 1914. С. 76–82.
46. *Хорошкевич А. Л.* Русь и Крым: От союза к противостоянию. Конец XV – начало XVI в. М.: Эдиториал УРСС, 2001. 336 с.

47. Черенков Л. Н. Таврические ногайцы (последний кочевой народ Причерноморской этноконтактной зоны) // Этноконтактные зоны в Европейской части СССР (география, динамика, методы изучения) / ред. И. И. Крупник. М.: Моск. филиал Геогр. общества СССР, 1989. С. 44–53.

48. Эвлия Челеби. Книга путешествия (Извлечения из сочинения турецкого путешественника XVII в.). Вып. 2: Земли Северного Кавказа, Поволжья и Подонья / сост. и отв. ред. А. Д. Желтяков; предисл. А. П. Григорьева; примеч. и коммент. А. П. Григорьева и А. Д. Желтякова. М.: Наука, 1979. 288 с.

49. Якобсон А. Л. Крым в средние века. М.: Наука, 1973. 174 с.

50. Bennigsen A., Lemerrier-Quelquejey Ch. Le khanat de Crimée au début du XVIe siècle: de la tradition mongole à la suzeraineté ottomane d'après un document inédit des archives ottomanes // Cahiers du monde russe et soviétique. 1972. Vol. 13. № 3. P. 322–337.

51. İnalçık H. The Khan and the Tribal Aristocracy: The Crimean Khanate under Sahib Giray I // Harvard Ukrainian Studies. 1980. Vol. 3/4. P. 445–466.

52. Ivanics M. A Krimi Kánság a tizenöt éves háborúban. Budapest: Akadémiai Kiadó, 1994. 236 p.

53. Le khanat de Crimée dans les archives du Musée du Palais de Topkapı / prés. par A. Bennigsen e. a. Paris; Hague: Mouton, 1978. 458 p.

54. Kolodziejczyk D. The Crimean Khanate and Poland-Lithuania: International Diplomacy on The European Periphery (15th–18th Century): a Study of Peace Treaties Followed by Annotated Documents. Leiden; Boston: Brill, 2011, 1049 p.

55. Précis de l'histoire des khans de Crimée, depuis l'an 880 jusqu'à l'an 1198 de l'Hagire // Nouveau journal asiatique. 1833. T. 12. P. 349–380, 428–458.

56. Pułaski K. Stosunki z Mendli-Girejem, chanem tatarów perekopskich (1469–1515). Kraków; Warszawa: G. Gebethner i Spółka Gebethner i Wolff, 1881. 451 s.

57. Russia seu Moscovia, itemque Tartaria commentario topographico atque politico illustratae. Leiden: Ex officina Elzeviriana, 1630. 336 s.

58. Tarih-i Sahib Giray Han (Histoire de Sahib Giray, khan de Crimée de 1532 à 1551) / ed. crit., trad., notes et glossaire par O. Gökbilgin. Ankara: Baylan Matbaası, 1973. 313 s.

Сведения об авторе: Трепавлов Вадим Винцерович – главный научный сотрудник Института российской истории РАН, руководитель Центра истории народов России и межэтнических отношений (117292, ул. Дмитрия Ульянова, 19, Москва, Российская Федерация); trepavlov@yandex.ru

Steppe shield of the Yurt: formation of the Noghay population of the Crimean Khanate (the 16th – the 1st half of the 17th century)

Vadim Trepavlov

(Institute of Russian History, RAS, Centre of History of the Peoples of Russia and Interethnic Relations)

Abstract. Since the beginning of the 16th century there was a constant replenishment of the Noghay population of the Crimean Khanate. This was a consequence of both: the forcible drive of the Noghays by the Crimeans as a result of military victories over them, and voluntary resettlements from beyond the Volga into the Yurt. The reasons for such migrations were salvation from enemy invasions (Kazakhs in the 1510s and Kalmyks in the 1620-30s), as well as the desire to find nomad pastures for a more comfortable and safe living outside the Noghay Horde—mainly during periods when it was engulfed in internecine strife, and its population suffered from hunger and ruin. The rulers of the Crimea willingly accepted and placed ordinary people in their possessions, but were wary of representatives of the Noghay elite. This was due to the inveterate feud between the Crimean and Trans-Volga Mangyts, which began in the middle of the 15th century. During the 16th century the Nogai population of the Crimean Khanate greatly increased and formed the backbone of the powerful clan of Mansur-uly. Settling mainly in the steppes north of the Crimea itself, it represented a significant military force (for the most part loyal to the Girays) and obscured the peninsula from external attacks. At the same time, among the Crimean Noghays, from time to time there arose a mood of dissatisfaction with the policies of Bagchesrai towards them, a desire to transfer to Ottoman citizenship.

Keywords: Crimean Khanate, Noghay Horde, Mangyts, Mansur-uly, Beys, Mirzas, migrations

For citation: *Trepavlov V. V. Steppe shield of the Yurt: formation of the Noghay population of the Crimean Khanate (the 16th – the 1st half of the 17th century). Krymskoe istoricheskoe obozrenie=Crimean Historical Review. 2019, no. 2, pp. 108–125. DOI: 10.22378/kio.2019.2.108-125*

REFERENCES

1. *Akty vremeni Lzhedmitriya I-go (1603–1606 gg.)* [Acts of the Time of Lzhedmitry I (1603–1606)]. Ed. by N.V. Rozhdestvensky. Moscow, Imperial of Russian History and Antiquities Publ., 1918. 334 p.
2. Bronevsky M. *Opisanie Kryma (Tartariae Descriptio)* [Description of the Cri-

mea (Tartariae Descriptio)]. *Zapiski Odesskogo obshchestva istorii i drevnostey* [Notes of the Odessa Society of History and Antiquities], 1867, vol. 6, pp. 333–367.

3. Vel'yaminov-Zernov V. V. *Issledovanie o kasimovskikh tsaryakh i tsarevichakh* [Research on Kasimov Tsars and Tsareviches]. Pt. 2. Saint-Petersburg, Printing House of the Imperial Academy of Sciences, 1864. 498 p.

4. Gribovsky V. V. *Upravlenie nogaysami Severnogo Prichernomor'ya v Krymskom khanstve (40–60-e gody XVIII v.)* [Management of Noghays of the Northern Black Sea Area in the Crimean Khanate (40–60-ies of the 18th Century)]. *Tyurkologichesky sbornik. 2007–2008. Istoriya i kul'tura tyurkskikh narodov Rossii i sopredel'nykh stran* [Turkological collection. 2007–2008. History and Culture of the Turkic Peoples of Russia and Neighboring Countries]. Ed. by S. G. Klyashtorny e. a. Moscow, Vostochnaya Literatura Publ. House, 2009, pp. 67–97.

5. D'Askoli E. D. *Opisanie Chernogo morya i Tatarii* [Description of the Black Sea and the Tataria]. *Zapiski Odesskogo obshchestva istorii i drevnostey* [Notes of the Odessa Society of History and Antiquities], 1902, vol. 24, pp. 89–180.

6. *Kniga, glagolemaya Letopisets Fedora Nikiticha Normantskogo* [Book named The Chronicle of Fedor Nikitich Normantsky]. *Vremennik Moskovskogo obshchestva istorii i drevnostey rossiyskikh* [Annals of Moscow Society of Russian History and Antiquities], 1850, vol. 5, pp. 19–148.

7. Kurat A. N. *Sobranie sochineniy. Kniga 2. Tyurkskie plemena i gosudarstva v Povolzh'e i Severnom Prichernomor'e v IV–XVIII vv.* [Collection of Works. Book 2. Turkic Tribes and States in Volga and Northern Black Sea Region in 4th–18th Centuries] Kazan', Sh. Marjani Institute of History, 2015. 416 p.

8. Kyrymi Abdulgaffar. *Umdet al-ahbar. Kniga 2. Perevod* [Umdet al-ahbar. Book 2. Translation]. Transl. by Yu.N. Karimova, I.M. Mirgaleev. Ed. by I.M. Mirgaleev. Kazan', Sh. Marjani Institute of History, 2018. 200 p.

9. Lashkov F. F. *Istorichesky ocherk krymsko-tatarskogo zemlevladieniya* [Historical Essay of the Crimean-Tatar Landownership]. Simferopol', Tavric Province Printing House, 1897. 326 p.

10. Lashkov F.F. *Pamyatniki diplomaticeskikh snosheniy Krymskogo khanstva s Moskovskim gosudarstvom v XVI i XVII vv.* [Monuments of Diplomatic Relations of the Crimean Khanate with the Moscovite State in the 16th and 17th centuries]. Simferopol', Printing House of the Newspaper "Krym", 1891. 215 p.

11. *Letopisets russky* [Russian Chronicle]. Publ. by A.N. Lebedev. *Chteniya v Obshchestve istorii i drevnostey rossiyskikh* [Readings in the Society of Russian History and Antiquities]. 1895, vol. 3, pp. I–IV, 1–190 (separate pagination).

12. [Lyuk Zh. H.] *Opisanie perekopskikh i nogayskikh tatar, cherkesov, mingrel'ov i gruzin Zhana de Lyuka, monakha dominikanskogo ordena (1625)* [Description of the Trans-Perekop and Nogai Tatars, Circassians, Mingrels and Georgians by Jean de Luke, Monk of the Dominican Order (1625)]. *Zapiski Odesskogo obshchestva istorii i drevnostey* [Notes of the Odessa Society of History and Antiquities], 1879, vol. 11, pp. 473–493.

13. Marjani Sh. *Məstəfadel-əhbar fi əhvali Kazan və Bolgar (Kazan həm bolgar həllərə turynda fajdalanylğan həbərələr)*. Kazan', Tatar Book Publ. House, 1989. 415 p.

14. *Materialy dlya istorii Krymskogo khanstva* [Materials for the History of the Crimean Khanate]. Publ. by V.V. Vel'yaminov-Zernov. Saint-Petersburg, Printing House of the Imperial Academy of Sciences, 1864. 950 p.
15. Negri A. *Izvechenie iz turetskoy rukopisi Obshchestva, sodержashchey istoriyu krymskikh khanov* [Extract from the Turkish Manuscript of the Society, Containing the History of the Crimean Khans] *Zapiski Odesskogo obshchestva istorii i drevnostey* [Notes of the Odessa Society of History and Antiquities], 1844, vol. 1, pp. 379–392.
16. Novosel'sky A.A. *Bor'ba Moskovskogo gosudarstva s tatarami v pervoy polovine XVII v.* [Struggle of Moscovite State with Tatars in the 1st half of the 17th century] Moscow, Leningrad, Academy of Sciences of the USSR Publ. House, 1948. 447 p.
17. Novosel'sky A.A. *Issledovaniya po istorii epokhi feodalizma (nauchnoe nasledie)* [Researches on the History of the Feudalism Era (Scientific Heritage)]. Moscow, Nauka Publ. House, 1994. 223 p.
18. Peyssonnel, S. K. de. Note on Little Tartary. Transl. by V. Lotoshnikova. Kiev, S. p, 2009. 110 p.
19. *Polnoe sobranie russkikh letopisey* [Complete Collection of Russian Chronicles]. Vol. 13. *Letopisny sbornik, imenuemy Patriarshey ili Nikonovskoy letopis'yu* [Chronicle Collection Called Patriarch or Nikon Chronicle]. Pt. 1. Ed. by S. F. Platonov & S. A. Adrianov. Saint-Petersburg, I. N. Skorokhodov's Printing House, 1904. 302 p.
20. *Posol'skaya kniga po svyazyam Moskovskogo gosudarstva s Krymom. 1571–1577 gg.* [Embassy Book on Relations of the Moscovite State with the Crimea. 1571–1577]. Ed. by I. V. Zaytsev. Moscow, Marjani Printing House, 2016. 400 p.
21. *Posol'skie knigi po svyazyam Rossii s Nogajskoj Ordoj. 1551–1561 gg.* / sost. D.A. Mustafina, V. V. Trepavlov. Kazan': Tatar. kn. izd-vo, 2006. 391 s.
22. Russian State Archive of Ancient Acts. Stock 123. *Snosheniya Rossii s Krymom* [Russia's Relations with the Crimea]. List 1. Dos. 9.
23. Russian State Archive of Ancient Acts. Stock 123. *Snosheniya Rossii s Krymom* [Russia's Relations with the Crimea]. List 1. Dos. 15.
24. Russian State Archive of Ancient Acts. Stock 123. *Snosheniya Rossii s Krymom* [Russia's Relations with the Crimea]. List 1. Dos. 17.
25. Russian State Archive of Ancient Acts. Stock 123. *Snosheniya Rossii s Krymom* [Russia's Relations with the Crimea]. List 1. 1629. Dos. 14.
26. Russian State Archive of Ancient Acts. Stock 123. *Snosheniya Rossii s Krymom* [Russia's Relations with the Crimea]. List 1. 1630. Dos. 17.
27. Russian State Archive of Ancient Acts. Stock 123. *Snosheniya Rossii s Krymom* [Russia's Relations with the Crimea]. List. 1. 1633. Dos. 24.
28. Russian State Archive of Ancient Acts. Stock 123. *Snosheniya Rossii s Krymom* [Russia's Relations with the Crimea]. List. 1. 1638. Dos. 1.
29. Russian State Archive of Ancient Acts. Stock 123. *Snosheniya Rossii s Krymom* [Russia's Relations with the Crimea]. List 2. Dos. 3.
30. *Russian State Archive of Ancient Acts*. Stock 127. *Snosheniya Rossii s nogajskimi tatarami* [Russia's Relations with the Nogai Tatars]. List 1. 1627. Dos. 1.

31. Russian State Archive of Ancient Acts. Stock 127. *Snosheniya Rossii s nogajskimi tatarami* [Russia's Relations with the Nogai Tatars]. List 1. 1633. Dos. 1.
32. Russian State Archive of Ancient Acts. Stock 127. *Snosheniya Rossii s nogajskimi tatarami* [Russia's Relations with the Nogai Tatars]. List 1. 1635. Dos. 1.
33. Russian State Archive of Ancient Acts. Stock 127. *Snosheniya Rossii s nogajskimi tatarami* [Russia's Relations with the Nogai Tatars]. List 1. 1635. Dos. 3.
34. Russian State Archive of Ancient Acts. Stock 127. *Snosheniya Rossii s nogajskimi tatarami* [Russia's Relations with the Nogai Tatars]. List 1. 1637. Dos. 3.
35. Russian State Archive of Ancient Acts. Stock 127. *Snosheniya Rossii s nogajskimi tatarami* [Russia's Relations with the Nogai Tatars]. List 1. 1639. Dos. 1.
36. Savelov L. M. *Iz istorii snosheniy Moskvy s Krymom pri tsare Mikhaile Fedoroviche: Posol'stvo S.I. Tarbeeva v Krym, 1626–1628 gg.* [From the History of the Intercourses of Moscow with the Crimea during the Reign of Tsar Mikhail Fedorovich: S. I. Tarbeev's Embassy to the Crimea, 1626–1628]. Simferopol', Tavric Province Printing House, 1906. 105 p.
37. Said Muhammed-Riza. *Asseb os-seyar, ili Sem' planet, soderzhashchy istoriyu krymskikh khanov* [Asseb os-seyar, or Seven Planets, Containing History of the Crimean Khans]. Publ. by M. Kazembek. Kazan': S. publ., 1832. 378 p.
38. Sanin G. A. *Otnosheniya Rossii i Ukrainy s Krymskim khanstvom v seredine XVII v.* [The Relations of Russia and Ukraine with the Crimean Khanate in the Middle of the 17th century]. Moscow, Nauka Publ. House, 1987. 271 p.
39. *Sbornik Russkogo istoricheskogo obshchestva* [Collection of Russian Historical Society]. Vol. 95. *Pamyatniki diplomaticheskikh snosheniy Moskovskogo gosudarstva s Krymskoyu i Nagayskoyu Ordami i s Turtsiey* [Monuments of the Diplomatic Intercourses of the Moscovite State with Crimean and Noghay Hordes and with Turkey]. Vol. 2. 1508–1521. Ed. by G. F. Karpov & G. F. Shtendman. Saint-Petersburg, Yakovlev's Printing House, 1895. 786 p.
40. Smirnov V. D. *Krymskoe khanstvo pod verkhovnstvom Ottomanskoj Porty do na-chala XVIII v.* [The Crimean Khanate under Ottoman Supremacy till the Beginning of the 18th Century]. Saint-Petersburg, University Printing House., 1887. 797 p.
41. Syroechkovsky V. E. Mukhammed-Geray i ego vassals [Muhammad-Giray and his Vassals]. *Uchenye zapiski MGU* [Scientific Notes of the Moscow State University]. Iss. 61. Istoriya [History], 1940, vol. 2, pp. 3–71.
42. Trepavlov V.V. *Stepnye imperii Evrazii. Mongoly i tatory* [Steppe Empires of Euroasia. Mongols and Tatars]. Moscow, Kvadriga Publ. House, 2015. 368 p.
43. Tunmann [I. E.]. *Krymskoe khanstvo* [The Crimean Khanate]. Transl. by N. L. Ernst & S. L. Belyavskaya. Simferopol, Tavria Publ. House, 1991. 96 p.
44. Utemish-haji. *Kara tavarikh*. Transl. by I. M. Mirgaleev & E. G. Sayfettino-va, ed. by I.M. Mirgaleev. Kazan', Sh. Marjani Institute of History, 2017. 312 p.
45. Farforovsky S. V. *Nogaytsy v russkoy istorii* [The Noghays in the Russian History] *Russky arkhiv, izdavaemy P. Bartenevym* [The Russian Archive Published by P. Bartenev]. Book 2. Moscow, 1914, pp. 76–82.

46. Khoroshkevich A. L. *Rus' i Krym: Ot soyuza k protivostoyaniyu. Konets XV – nachalo XVI v.* [Russia and the Crimea: From Union to Opposition. The End of the 15th – the Beginning of the 16th Century] Moscow, Editorial URSS Publ. House, 2001. 336 p.
47. Cherenkov L. N. Tavrisheskie nogaytsy (posledniy kochevoy narod Prichernomorskoy etnokontaktnoy zony) [The Tavric Noghays (the Last Nomadic People of the Black Sea Ethnocontact Area)]. *Etnokontaktnye zony v Evropeyskoy chasti SSSR (geografiya, dinamika, metody izucheniya)* [Ethnocontact Zones in the European Part of the USSR (Geography, Dynamics, Studying Methods)]. Ed. by I. I. Krupnik. Moscow, Moscow Branch of the Geographic Society of the USSR, 1989, pp. 44–53.
48. Evliya Chelebi. *Kniga puteshestviya (Iz vlecheniya iz sochineniya turetskogo puteshe-stvennika XVII v.)* [The Book of a Travel (Extraction from a Work of the Turkish Traveler of the 17th Century)]. Iss. 2. *Zemli Severnogo Kavkaza, Povolzh'ya i Podon'ya* [The Lands of the Northern Caucasus, Volga and Don Regions]. Ed. by A. D. Zheltyakov. Moscow, Nauka Publ. House, 1979. 288 p.
49. Yakobson A. L. *Krym v srednie veka* [The Crimea in the middle ages]. Moscow, Nauka Publ. House, 1973. 174 p.
50. Bennigsen A., Lemerrier-Quelquejay Ch. Le khanat de Crimée au début du XVIe siècle: de la tradition mongole à la suzeraineté ottomane d'après un document inédit des archives ottomans. *Cahiers du monde russe et soviétique*. 1972, vol. 13, No 3, pp. 322–337.
51. İnalçık H. The Khan and the Tribal Aristocracy: The Crimean Khanate under Sahib Giray I. *Harvard Ukrainian Studies*. 1980, vol. 3/4, pp. 445–466.
52. Ivanics M. *A Krimi Kánság a tizenöt éves háborúban*. Budapest, Akadémiai Kiadó, 1994. 236 p.
53. *Le khanat de Crimée dans les archives du Musée du Palais de Topkapı*. Prés. par A. Bennigsen e. a. Paris; Hague, Mouton, 1978. 458 p.
54. Kolodziejczyk D. *The Crimean Khanate and Poland-Lithuania: International Diplomacy on the European Periphery (15th–18th Century): a Study of Peace Treaties Followed by Annotated Documents*. Leiden; Boston, Brill, 2011. 1049 p.
55. *Précis de l'histoire des khans de Crimée, depuis l'an 880 jusqu'à l'an 1198 de l'Hagire*. *Nouveau journal asiatique*, 1833, t. 12, pp. 349–380, 428–458.
56. Pułaski K. *Stosunki z Mendli-Girejem, chanem tatarów perekopskich (1469–1515)*. Kraków; Warszawa, G. Gebethner i Spółka Gebethner i Wolff, 1881. 451 s.
57. *Russia seu Moscovia, itemque Tartaria commentario topographico atque politico illustratae*. Leiden, Ex officina Elzeviriana, 1630. 336 p.
58. *Tarih-i Sahib Giray Han (Histoire de Sahib Giray, khan de Crimée de 1532 à 1551)*. Publ. par O. Gökbilgin. Ankara, Baylan Matbaası, 1973. 313 p.

About the author: Trepavlov Vadim Vintserovich – Chief Researcher of the Institute of Russian History, RAS, Head of the Centre of History of the Peoples of Russia and Interethnic Relations (117292, Dmitry Ulyanov St., 19, Moscow, Russian Federation); trepavlov@yandex.ru